

ВОПРОС I. Ниже приведен небольшой отрывок из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводы на почти все славянские языки.

- Определите, на каком языке написан каждый фрагмент (они обозначены римскими цифрами);
- Славянские языки подразделяются на три подгруппы – восточную, западную и южную; к какой подгруппе относится каждый приведенный фрагмент?;
- Какие особенности в графике каждого славянского языка по сравнению с алфавитами русского и английского языков вы можете отметить (особые буквы, надстрочные и подстрочные знаки и под.);
- Прокомментируйте выделенные отрезки текста:

1. ОНА НЕСЛА ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ. НЕХОРОШИЙ ЦВЕТ!

У русских слов ЦВЕТОК и ЦВЕТ один и тот же корень, и этот корень славянского происхождения. Подумайте, можно ли утверждать, что в ряде славянских языков слово ЦВЕТ исчезло?

Прокомментируйте соответствующие пары слов для других славянских языков с точки зрения их происхождения.

2. ОНА НЕСЛА ... ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ. ... ОНИ ПЕРВЫЕ ПОЧЕМУ-ТО ПОЯВЛЯЮТСЯ В МОСКВЕ...

Найдите во всех отрывках соответствия словам ПЕРВЫЕ и ЖЕЛТЫЕ и объясните, почему славянские по происхождению корни этих слов в разных славянских языках выглядят по-разному.

3. Сравните формы прилагательных в текстах на разных славянских языках. Какие сходства и различия Вы видите?

О.

... - Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах! Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души. Я мучился, потому что мне показалось, что с ней необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу. И. вообразите, внезапно заговорила она:

- Нравятся ли вам мои цветы?

I.

... “V rokah je nosila zoprne, žalostne rumene cvetice. Vrag bi vedel, kako se imenujejo, ampak prve so, ki se dobijo v Moskvi. In te cvetice so se zelo razločno črtale na njenem črnem pomladnem plašču. Nosila je rumeme cvetice! Nelepa barva. Zavila je s Tverske v uličico in se obrnila. No, ali poznate Tversko? Po njej je hodilo na tisoče ljudi, ampak prisežem vam, da je

ona videla samo mene in me pogledala ne samo vznemirjeno, temveč celo nekako bolešno. In mene ni prevzela toliko njena lepota kakor nenavadna, nikoli prej videna osamljenost v očeh! Sledil sem rumenemu znamenju, tudi jaz sem zavil v uličico in stopal za njo. Brez besed sva šla po krivi, dolgočasni uličici, jaz po eni strani, ona po drugi. In pomislite, v uličici ni bilo žive duše. Mučil sem se, ker se mi je zazdelo, da moram nujno govoriti z njo, pa sem se bal, da ne bom izrekel nobene besede, in ona bo odšla in je ne bom videl nikoli več. In pomislite, iznenada je spregovorila ona:

„Vam je moje cvetje všeč?“

II.

Nesla v náruči odporné vyzývavě žluté květy. Čertví jak se jmenují, ale neznámo proč se první objevují na jaře v Moskvě. Výrazně se vyjímalý na černém jarním plášti. Ošklivá barva. Zabočila z Tverské do uličky a ohlédla se. Znáte Tverskou? Proudily tam davý, ale ručím vám za to, že ona viděla jenom mě. Vrhla na mě ani ne tak zneklidňující, jako spíš bolestný pohled. Víc než její krása mě upoutal zvláštní, nepostřehnutelný výraz osamělosti v očích. Podřídil jsem se žlutému znamení, zahrnul jsem taky a sledoval neznámou. Šli jsme křivolakou, nudnou uličkou a nikdo z nás nepromluvil. Považte, ulice byla liduprázdná. Trpěl jsem utkvělou představou, že ji musím oslovit, a přitom jsem se obával, že ze sebe nevypravím jediné slovo, zatímco ona zmizí a už ji nikdy nevidím. Vtom prohodila:

«Líbí se vám moje květiny?»

III.

Ona je nosila odvratno žuto cveće. Đavo će ga znati kako se to cveće zove, ali to cveće se zbog nečega prvo pojavljuje u Moskvi. I to cveće se jasno isticalo na njenoj crnoj prolećnoj haljini. Ona je nosila žuto cveće! Odvratna boja. Skrenula je sa Tverske u jednu uličicu i tada se obrnula. No, Tversku sigurno znate? Po Tverskoj su se kretale hiljade ljudi, ali ja vam jamčim da je ona videla samo mene jednoga, i pogledala me je ili uznemireno, ili čak nekako bolećivo. I mene je osvojila ne toliko njena lepota, koliko neobična usamljenost, koju niko nije video u njenim očima! Pokoravajući se tom žutom znaku, ja sam takođe skrenuo u tu uličicu i pošao sam njenim tragom. Išli smo krivom, dosadnom uličicom ćutke, ja jednom, a ona drugom stranom. I zamislite samo, u uličici nije bilo ni žive duše. Ja sam se mučio, jer mi se činilo da moram da porazgovaram sa njom, a plašio sam se da neću izgovoriti ni jednu jedinu reč, a ona će otići i ja je više nikada neću videti. I, zamislite samo, iznenada je progovorila ona:

- Da li vam se dopada moje cveće?

IV.

Niesla v rukách odporné dráždivo žlté kvety. Čertvie, ako sa volajú, ale sú to vždy prvé kvety, čo sa zjavia v Moskve. A tie kvety sa veľmi zreteľne odrážali od jej čierneho jarníka. Niesla žlté kvety! Nepekná farba. Zabočila z Tverskej do priečnej uličky a tu sa obzrela. Poznáte Tverskú, však? Po Tverskej šli tisíce ľudí, ale ručím vám za to, že videla jedine mňa a pozrela na mňa niežeby vystrašene, ale až akosi chorobne. A mňa tak ani neohromila jej krása, ako neobyčajná, nevídaná osamelosť v jej očiach! Poslúchnuc to žlté znamenie, odbočil som tiež do uličky a kráčať jej v päťách. Šli sme mlčky krivou, nudnou uličkou, ja po jednej strane, ona po druhej. A predstavte si, nebolo tam živej duše. Trápil som sa, lebo sa mi zdalo, že s ňou nutne musím hovoriť, a bál som sa, že nevydám zo seba ani slova, a ona odíde a už ju nikdy nevidím. A predstavte si, zrazu sa mi prihovorila:

„Páčia sa vám moje kvety?“

V.

Niosła obrzydliwe, niepokojąco żółte kwiaty. Diabli wiedzą, jak się te kwiaty nazywają, ale są to pierwsze kwiaty, jakie się wiosną pokazują w Moskwie. Te kwiaty rysowały się wyraziście na

tle jej czarnego płaszcza. Niosła żółte kwiaty! To niedobry kolor! Skręciła z Twerskiej w zaułek i wtedy się obejrzała. No, Twerską chyba pan zna? Szły Twerską tysiące ludzi, ale zaręczam panu, że ona zobaczyła tylko mnie jednego i popatrzyła na mnie nie to, żeby z lękiem, ale jakoś tak boleśnie. Wstrząsnęła mną nie tyle jej uroda, ile niezwykła, niesłychana samotność malująca się w tych oczach. Posłuszny owemu żółtemu znakowi losu ja również skręciłem w zaułek i ruszyłem jej śladem. Szliśmy bez słowa tym smutnym, krzywym zaułkiem, ja po jednej jego stronie, ona po drugiej. I proszę sobie wyobrazić, że prócz nas nie było w zaułku żywej duszy. Męczyłem się, ponieważ wydało mi się, że muszę z nią pomówić, i bałem się, że nie powiem ani słowa, a ona tymczasem odejdzie i nigdy już jej więcej nie zobaczę. I proszę sobie wyobrazić, że to właśnie ona odezwała się nieoczekiwanie:

- Podobają się panu moje kwiaty?

VI.

Таа носеше во раце одвратни, вознемирувачки жолти цвеќиња. Ѓавол ќе знае како се викаат, но во Москва тие се појавуваат први. И тие цвеќиња сосема јасно се истакнуваат на нејзиното црно пролетно палто. Таа носеше жолти цвеќиња! Неубава боја. Таа сви од Тверска во уличето и тука сврте. Тверска вие ја знаете? По Тверска одеа илјадници луѓе, но јас ви гарантирам дека таа ме виде само мене и ме погледна не само возбудено, туку и некако милосливо. А мене не ме вцаша толку нејзината убавина, колку необичната усаменост што никој друг не можеше да ја забележи во нејзините очи! Покорувалки му се на тој жолт знак, јас исто така свив во уличето и тргнав по неа, од едната страна на улицата, а таа од другата. И претставете си, во уличето немаше ни жива душа. Јас се измачував, зашто ми се стори дека треба да зборувам со неа и се вознемирив плашејќи се дека нема да изговорам ниту збор, а таа ќе си замине, и јас повеќе никогаш нема да ја видам. И претставете си, наеднаш проговори таа:

- Ви се допаѓаат моите цвеќиња?

VII.

- Вона несла в руках огидни, тривожни жолти квіти. Чорт знае, як їх називати, але вони чомусь першими з'являються в Москві. І ці квіти дуже виразно виділялись на чорному її весняному пальті. Вона несла жолти квіти! Негарний колір. Вона повернула з Тверської до провулка й тут озирнулася. Ну, Тверську ви знаете? Тверською йшли тисячі людей, та ручаюся вам, що побачила вона мене одного й поглянула не так щоб тривожно, а навіть якось хворобливо. І мене вразила не стільки її краса, скільки незвичайна, ніким не бачена самотність в очах!

Скоряючись цьому жовтому знакові, я теж звернув до провулка і подався слідом за нею. Ми йшли кривим, нудним провулком безмовно, я одним боком, вона другим. І не було, уявіть, у провулку жодної душі. Я мучився, тому що мені здалося, що з нею треба розмовляти, й тривожився, що не вимовлю жодного слова, а вона піде, і я її ніколи більше не побачу.

І, уявіть, раптом заговорила вона:

- Чи подобаються вам мої квіти?

VIII

Тя носеше отвратителни, тревожни жълти цветя. Дявол ги знае как се казват, но неизвестно зашто, те, първи се появяват в Москва. Тези цветя много ярко се открояваха върху черното й пролетно манто. Тя носеше жълти цветя. Лош цвят. Тя сви от Тверская в една пряка и тогава се обърна. Знаете къде е Тверская, нали? По Тверская минаваха хиляди хора, но аз ви уверявам, че тя видя само мен и ме погледна не само тревожно, но дори някак болезнено. Порази ме не толкова нейната красота, колкото безкрайната, невероятна самота в очите й. Подчиних се на жълтия знак и също свих в пресечката, тръгнах след нея. Вървахме безмълвно по кривата скучна уличка, аз по единия тротоар, тя

по другия. Представете си, по уличката нямаше жива душа. Измъчвах се, защото ми се стори, че трябва да я заговоря, а се боях, че няма да произнеса нито дума и тя ще си отиде и никога вече няма да я видя. И представете си, изведнъж заговори тя:

— Харесват ли ви моите цветя?
